

ребенка, опять одѣлась и убѣжала. Нянька пришла домой и сказала хозяину. На другой день и самъ съ нимъ пошелъ. Нянька сѣла на бережокъ и кричить: „рыси вы, рыси, сѣрые рыси, не видали-ли, рыси, младенцову мать, младенецъ плачетъ, поѣсть просить“, а самъ за кустъ сѣлъ. Прибѣжала эта рысь и скинула шкуру и стала сосить ребенка, а онъ взялъ эту кожуруину и сожогъ. Она насосила ребенка и хватилась кожурины, да вилась да вилась и сдѣлалась веретенцомъ. Онъ взялъ это веретенцо и переломилъ, оно и сдѣлалось, какъ слѣдуетъ, женщиной, и пошли домой. Онъ опять сталъ уѣзжать. Она дома сидитъ.

Кадниковскій у. 1907 г.

42. Мышка.

Жилъ старикъ со старухой, и была у ихъ одна дочь. Старуха и померла. Старикъ женился и взялъ ягу-бабу съ дочерей. Яга-баба неродную-то дочь и не взлюбила и говорить своему старику, что надо свѣзти неродную дочь въ пустую избу, а въ лѣсѣ была изба пустая. Старуха наклала дѣвушкѣ на мѣсто муки пепелу, а на мѣсто крупы дресвы. Старикъ и запрягъ лошадь и повезъ дѣвушку въ пустую избу, въ лѣсѣ. Привезъ въ лѣсѣ дѣвушку и посадивъ въ избу и оставилъ одну. Дѣвушка затопила печку и стала изъ пепелу пекчи шанежки. Мышка изъ подъ сошточка выскочила и говоритъ: „красная дѣвушка, дай мнѣ шанежку“, а дѣвушка говоритъ: „ой, мышка, мышка, мы съ тобой только двое и въ избушкѣ живемъ“, она и кинула шанежку, „станемъ мы вмѣстѣ жить“. Дѣвушка поѣла шанежокъ и сѣла подъ окошечко и заплакала: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать“, въ лѣсу отгаркивается нехорошой: „я приду, я приду“, и идетъ старикъ, вышелъ изъ лѣсу, она испугалась и говоритъ: „ой, мышка, мышка, куда-же я дѣваюсь-то? Мышка ее обернула иголкой и въ стѣну влѣпила. Старикъ пришелъ, искалъ; искалъ, такъ негдѣ и не нашелъ и кинулъ сундукъ съ имѣніемъ. Онъ ушелъ. Ночку проспала. Мышка обернула, опять экъ какъ была стала; дѣвушка опять стала пекчи шанежки; шанежокъ напекла, сама поѣла и мышку накормила. Сѣла подъ окошечко, опять

заплакала и говоритъ: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать“. Вотъ въ лѣсу старикъ и кричитъ: „приду, я приду“, и выходитъ старикъ выше лѣсу. Она испугалась и говоритъ мышкѣ: „куда-жѣ я-то дѣваюсь?“ Мышка обернула шаминкой и положила подъ порожекъ. Старикъ пришелъ, вѣздѣ искалъ, негдѣ ненашелъ и бросилъ два сундука имѣнья, самъ и ушелъ. Мышка опять эту шаминку сдѣлала дѣвушкой. Ночку проспали, опять стала дѣвушка пекчи шанежки; поѣли съ мышкой шанежокъ и сидятъ. Старикъ пріѣхалъ за дѣвушкой; они думали, что дѣвушка мертвая, а дѣвушка бѣленая и мазаная и платкомъ перевязаная. Старикъ привезъ домой дѣвушку. Старухѣ завидно стало, что у этой дочери имѣнія много, а у ее дѣвушки ничего нѣтъ, и велѣла свѣзти старику свою дѣвушку и наклала этой дѣвушкѣ ѣжи, муки хорошей и крупы и масла, всякія всячины. Старикъ свѣзъ эту дѣвушку въ пустую избу. Она стала шанежки пекчи. Мышка выскочила изъ подъ сошточка и говоритъ: „дѣвушка, дай мнѣ шанежку“. Она хлестнула сковородникомъ и мышку убила. Сѣла подъ окошко и зарѣвела и кричитъ: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать?“ Старикъ въ лѣсу и кричитъ: „я иду“, и пришелъ старикъ и задавилъ дѣвушку. Три дня прошли. Матка и говоритъ своему старику, что, старикъ, съѣзди по дѣвушку. Старикъ съѣздилъ за дѣвушкой и привезъ мертвую. Старуха зарѣвела и умерла.

Кадниковскій у. 1907 г.

43. Горошенько.

Жилъ былъ старикъ со старухой. Было у нихъ двое дѣтей, дочка да сынокъ, а дочь постаршѣ. Старикъ и старуха померли и не оставили имъ ничего поѣсть. Эти ребята и пошли въ амбаръ и назамѣтали три горошенька и принесли въ избу и стали катать по полу, катали да катали, всѣ три горошенька упали въ подпольѣ. Эти горошеньки выросли до полу. Они открыли половицы. Горошокъ все растеть да растеть и вырасть до потолка. Они и потолочину открыли. А горохъ все растеть да растеть и вырасть до крыши. Открыли крышу, тесинку или двѣ. Горохъ растеть выше и выше и вырасть до неба, и стала